

## Ганс Гейнц Эверс Мертвый еврей

Когда пробило двенадцать часов, актер декламировал:

– И вот настал тот день, в который мы...

Но тот, кому он сказал это, прервал его:

– Оставьте, пожалуйста. Этот день для меня в высшей степени неприятен.

– Ах, вы начинаете впадать в сентиментальность. Плохо дело! – рассмеялся актер.

Но его собеседник возразил:

– Вовсе нет. Но у меня с этим днем связаны воспоминания...

– ...Столь страшные, что цепенеет кровь?.. Как и все ваши воспоминания! Так облегчите же себя. Сложите с себя на нас тяжкий груз ваших воспоминаний.

Мне очень не хотелось бы. Все это до такой степени грубо и дико...

– Ах, какие нежности! С какого это времени вы стали заботиться о наших нервах? В то время, когда мы все ходим по шелковистым коврам, ваши ноги тонут в запекшейся крови. Вы – помесь жестокости и безобидности.

– Я не жесток.

– Это дело вкуса.

– В таком случае я предпочту молчать.

Актер протянул ему через стол свой портсигар.

– Рассказывайте, рассказывайте. Иной размыкает очень невредно напомнить, что кровь и доныне еще струится в этом прекраснейшем из миров. А кроме того, совершенно неверно, что вы не хотите рассказывать. Вы хотите рассказывать, и мы будем слушать. Итак, мы слушаем!

Блондин открыл портсигар.

– Английская дрянь! – проворчал он. – Все дрянь, что идет из этой проклятой страны.? Он закурил свою папиросу.

И затем начал:

– Это было уже давно. Я был тогда еще совсем зеленым фуксом, семнадцати лет от роду. Я был так же невинен, как кенгуренок в сумке у его матери, но изображал циничного прожигателя жизни. Должно быть, это выходило забавно... Однажды ночью в дверь ко мне сильно постучали.

– Вставай! – закричал кто-то. – Сию же минуту вставай!

Я очнулся от сна. Кругом была совершенная тьма.

– Да просыпайся же! Долго ли ты еще будешь заставлять меня ждать?

Я узнал голос моего товарища по корпорации.

– Войди! – ответил я. – Дверь не заперта.

Дверь с грохотом отворилась. Длинный медик ворвался в комнату и зажег свечку.

– Долой из постели! – крикнул он.

Я бросил отчаянный взгляд на часы.

– Но позволь. Еще нет и четырех часов. Я и двух часов не спал.

– А я и совсем не спал! – рассмеялся он. – Я пришел сюда прямо из пивной. Долой из постели, я тебе говорю, и живо одевайся, фуксик.

– Да что такое случилось? Честное слово, я не вижу в этом никакого удовольствия.

– Да никакого удовольствия и нет. Одевайся, я расскажу потом.

Пока я с усилием смывал с своих глаз сон и, стуча зубами, натягивал штаны, он уселся, сопя, в кресло и закурил свою ужасную бразильскую сигару. Я закашлялся и плюнул.

– Ты не переносишь дыма, фуксик? – прохрипел он. – Ничего, привыкнешь. Итак, вникай: сегодня утром у нас дуэль городом, в Коттеновском лесу. Я – секундант. Госслер

тоже хотел идти со мной. Мы с ним, чтобы не проспать и быть на месте вовремя, всю ночь провалялись в пивной, и он в конце концов раскис. Вот и все. Не мешкай!

Я прервал приятеля:

– Все это так, но я-то тут при чем?

– Ты? Господи Боже, какая же ты телятина! Я не имею никакого желания тащиться туда целые часы наедине с самим собой. И поэтому беру тебя с собою. Ну, живо!

Это была отвратительная ночь: дождь, ветер, грязь. Мы побежали по пустынным переулкам к нашей корпоративной квартире, где нас ожидала карета. Остальные уже уехали вперед.

– Ну, конечно! – бранился мой товарищ. – Вот мы и остались ни с чем, как свиньи. Служитель увез с собой корзину с провизией. Беги наверх, фуксик, посмотри, не найдется ли в буфетной бутылочки коньяку!

– Я звоню, жду, проклиная, дрогну от холода. Но вот, наконец, добываю коньяк. Мы влезаем в карету, и кучер хлещет лошадей.

– Сегодня третье ноября, – проговорил я, – день моего рождения. Нечего сказать, славно он начинается.

– Пей! – провозгласил мой коллега.

– И к тому же у меня неприятность. Да еще какая!

– Пей же, бегемот! – крикнул он и пустил мне в лицо тошнотворное облако дыма, так что я едва не получил морскую болезнь. – погоди, младенец, – ухмыльнулся он, – я прогоню твои неприятности.

И он пустился в рассказы. Медицинские истории с секционного стола. Он был мастер на это! Он вообще не стеснялся с такими вещами: ел завтрак прямо в мертвецкой, не вымыв руки, в промежутке между двумя препарированиями. Отрезанные руки и ноги, выпотрошенные мозги, больные печени и почки – все это было ему одно удовольствие. Чем гнилее, тем лучше...

Разумеется, я пил. Один глоток за другим из нашей бутылки. Он рассказал мне десятка два историй, и та из них, в которой фигурировала разложившаяся селезенка, была еще сравнительно наиболее аппетитной. Ничего не поделаешь: этому учат в корпорации – быть господином над своими нервами...

Два часа езды. И вот карета остановилась. Мы выползаем из кареты и шлепаем в сторону от дороги, в лес. Бредем в тусклом утреннем тумане под голыми, безлистными деревьями.

– Кто, собственно, стреляется сегодня? – спросил я.

– Заткни глотку. Еще успеешь узнать! – проворчал товарищ. Он внезапно сделался молчаливым. Я слышал, как он громко икал, и его хмель проходил. Мы вышли на лужайку. Там стояло человек десять.

– Факс! – крикнул товарищ.

Наш корпоративный служитель подбежал к нему.

– Содовой!

Служитель принес корзину. Товарищ выпил три бутылки содовой воды.

– Этакая мерзость! – пробормотал он и отплюнулся. И я прекрасно видел, что он теперь уже совершенно трезв.

Мы подошли к собравшимся и раскланялись. Здесь были два врача с перевязочными материалами. Один из них, старик, был наш корпоративный доктор. Далее, три корпоранта из «Маркий» и их служитель, который болтал с нашим. А в стороне, прислонясь к дереву, одиноко стоял маленький еврей.

Я уже знал теперь, в чем было дело. Это был Зелиг Перльмуттер, студент философского факультета, и он должен был стреляться с длинным Меркером. Трагическая история! Меркеры с компанией сидели в пивной, и в это время туда же вошел Перльмуттер с двумя товарищами. Они были встречены яростным: «Долой жидов!» Двое ушли, но Перльмуттер уже повесил шляпу на крюк; он не захотел уступить – уселся и спросил пива.

Тогда Меркер вскочил и выдернул из-под него стул, так что тот упал на пол под громкое гоготанье корпорантов. Затем Меркер схватил с крюка его шляпу и выкинул ее за дверь в грязь: «Пошел вон, жидюга!» Но маленький еврей, побледнев, как мел, подпрыгнул к длинному Меркеру и – бац! – закатил ему пощечину. После этого, разумеется, его отколотили и вышвырнули вон из пивной. На следующий день Меркер послал к нему секундантов, и еврей принял вызов: пять шагов дистанция, стрелять до трех раз.

Зелиг Перльмуттер обратился со своим делом в нашу корпорацию.

– Что же поделаешь? – говорил мой товарищ, который в качестве второго уполномоченного разбирал все дуэльные дела. – Нужно давать защиту чести каждому благородному студенту. А благородный студент тот, который, черт меня возьми, еще ни разу не украл ни одной серебряной ложки. Если б даже его звали Зе-зе-лиг П-п-перльмуттер...

Маленький еврей в самом деле так заикался, что никогда не мог как следует выговорить собственную фамилию. Вероятно, в корпорации ему понадобилось не менее полчаса, чтобы изложить благополучно свою просьбу...

Он стоял, прислонившись к дереву, в затасканном пальто, с поднятым воротником. Боже мой, до чего он был безобразен. Грязные башмаки со стоптанными каблуками сидели криво и косо на его ногах. Над ними болталась бахрома брюк. Огромное никелевое пенсне с длинным черным шнуром криво висело над его чудовищным носом, который почти прикрывал толстые сизо-красные губы. Его лицо было изрыто оспой и имело желтый и грязный оттенок. Руки было глубоко засунуты в карманы пальто. Он упорно уставился в глинистую землю.

Я пошел к нему и протянул руку:

– Добрый день, господин Перльмуттер!

– П-по-почему с-с-соб-ственно... – возразил он заикаясь.

– Фукс, принеси сию минуту ящик с пистолетами! – резко крикнул мой товарищ.

Я крепко сжал грязную руку, которую, наконец, протянул мне еврей, за– тем побежал к нашему служителю, взял ящик с пистолетами и подал его моему коллеге.

– Ты с ума спятил? – прошипел он. – Что тебе вздумалось болтать с этим болваном?

Первый уполномоченный, пруссак, представлявший собой внепартийное лицо, поговорил с секундантами, а затем отмерил длинными шагами дистанцию. Обоих противников пригласили занять их места.

– Господа! – начал пруссак. – Мой долг, как внепартийного, сделать хотя бы попытку покончить дело миром. Он сделал маленькую паузу.

– Я, п-п-пож-жалуй... – тихо заикнулся маленький еврей, – ес-сли...

Мой товарищ гневно взглянул на него и яростно закашлялся, так громко, как только мог. Еврей смутился и замолчал.

– Итак, противники отклоняют примирение, – быстро постановил внепартийный. – Я прошу их обратить внимание на мою команду. Я буду считать: раз, два, три. Противники могут стрелять между «раз» и «три», но отнюдь не до начала команды и не после «три».

Пистолеты были обстоятельно заряжены. Секунданты кинули о них жребий, и мой коллега подал один из пистолетов еврею.

– Господин Перльмуттер, – промолвил он официальным тоном, – я передаю вам оружие нашей корпорации. Вам делает честь, что вы решили завершить ваше столкновение по рыцарски-студенческому способу, вместо того чтобы бежать к судье. Я надеюсь, что и здесь, на этом месте, вы окажете честь нашему ору– жию.

Он всунул пистолет ему в руку. Господин Перльмуттер взял пистолет, но рука его так дрожала, что он едва мог держать в ней оружие.

– Черт возьми, да не вертите вы им во все стороны! – продолжал мой товарищ. – Опустите пистолет. По команде «раз» поднимайте его с быстротою молнии и стреляйте. Не вздумайте целить в голову: так вы никогда не попадете. Цельтесь в живот – это самое надежное. А после того как выстрелили, держите пистолет высоко перед лицом: это ваше единственное прикрытие. Пользы от него, конечно, немного, но все-таки может случиться,

что ваш противник, если он выстрелит после вас, попадет вместо вашей персоны в пистолет. И побольше хладнокровия, господин Перльмуттер.

– Бла-бла-годарю, – промолвил еврей.

Мой товарищ взял меня под руку и отошел со мной в сторону, в лес.

– Я, честное слово, желал бы, чтобы наш еврейчик взгрел Меркера, – проворчал он, – я не выношу этого болвана. А кроме того, он, по всей вероятности, сам еврей.

– Но ведь он самый свирепый жидоед во всем студенческом корпусе! – возразил я.

– Вот именно поэтому. Я давно подозреваю Меркерова. Погляди только на его нос. Может быть, он крещеный, и родители его тоже, но только все-таки он еврей. Наш заика не что иное, как помесь прокислого пива и плевков, но он будет мне форменным образом симпатичен, если он пригвоздит длинного Меркера. И, в сущности, это просто скандал, что мы притащили сюда этого беднягу, как теленка, на бойню.

– Да, но ведь он хотел пойти на примирение, – заметил я, – и если бы ты не закашлял...

Но он оборвал меня:

– Заткни глотку! Ты этого еще не понимаешь, фукс!

Все присутствующие отошли в сторону, в кустарник, и только оба противника стояли на лужайке в тусклой полумгле ненастного утра.

– Внимание! – воскликнул внепартийный. – Я начинаю: раз!.. два!..

Меркер выстрелил. Его пуля шлепнулась о дерево. Перльмуттер даже не поднял своего пистолета. Все поспешили к дуэлянтам.

– Я спрашиваю, последовал ли со стороны «Норманнии» выстрел? – спросил секундант Меркера.

– Со стороны «Норманнии» выстрела не последовало! – констатировал внепартийный.

Мой товарищ гневно накинулся на еврея:

– Сударь! – вскипел он. – Вы с ума сошли? Неужели вы думаете, что из-за вас мы станем заносить в дуэльный журнал такое свинство? Стреляйте, куда хотите, но только стреляйте! Хоть провалитесь на месте от страха, но стреляйте, черт побери! Не понимаете вы разве, что вы срамите всю корпорацию, оружием которой вы пользуетесь?

– Я, п-пож-жалуй... – заикнулся маленький еврей. На его лбу выступили крупные грязные капли.

Но на него уже никто не обращал внимания. Противники получили новые пистолеты, и снова все разошлись в кусты.

– Раз... два... и... три!

Сейчас же после команды «раз» Меркер выстрелил. Его пуля ударила в пень, в каких-нибудь трех шагах от его противника. Перльмуттер и на этот раз не поднял пистолета. Его рука нерв но дергалась.

– Я спрашиваю, последовал ли на этот раз выстрел со стороны «Норманнии»?

– Представитель «Норманнии» и на этот раз предпочел стрелять.

Меркеры оскалили зубы, пруссак улыбался во весь рот. Мой товарищ кидал на них яростные взоры.

– Ну и шайка! – хрипел он. – Какое свинство, что я не могу сейчас дать всем им по шее!

– А что? – спросил я.

– Бог мой! Так глуп может быть только зеленый фукс! – накинулся он на меня. – Ведь ты же должен знать, что здесь сейчас царит мир и что во время дуэли нельзя показывать когти. Но сегодня же вечером все три господина из «Маркий» получают от меня каждый по вызову. Бьюсь об заклад, что у них тогда будут другие рожи. И вздую же я их, черт возьми. Посмотри только, как они паясничают, какой триумфальный вой подняли над нашим оборванцем!

К еврею на этот раз он подошел с другого рода убеждениями:

– Господин Перльмуттер, я апеллирую не к вашему мужеству – мне кажется, что это

бесполезно, – но к вашему рассудку, – спокойно промолвил он. – Послушайте, вы, наверное, не имеете никакого желания, чтобы вас здесь при– кончили, как борова! Ну так, изволите видеть, у вас нет никакой другой возможности избежать этого, как только путем нападения. Это вам должно было бы подсказать чувство самосохранения. Если вы прострелите вашему противнику брюхо, то я гарантирую вам, что он уже ничего не сможет вам сделать. А кроме того, вы этим сделаете еще доброе дело.

Затем мой товарищ прибавил почти сентиментальным тоном:

– Ведь, наверное, для вас будет в тысячу раз приятнее, если вы уйдете отсюда с неповрежденной кожей, господин Перльмуттер. Подумайте только о ваших бедных родителях.

– У м-меня н-нет ро-род-дителей, – промолвил еврей.

– Ну, тогда подумайте о вашей возлюбленной... – продолжал мой коллега и вдруг запнулся, взглянув на безобразную физиономию еврея, которая вдруг расплылась в ужасную, унылую гримасу. – Извините, господин Перльмуттер, я понимаю, что вы с вашей... ну, как бы это сказать, – с вашим ликом не можете иметь возлюбленной. Извините меня, я вовсе не хотел вас обидеть. Но ведь кто-нибудь у вас, наверное, же есть? Ну, может быть... может быть... собака?

– У м-меня есть м-мал-ленькая с-соб-бака...

– Ну вот, видите, господин Перльмуттер, у каждого человека есть что-нибудь. У меня тоже есть собака, и я уверяю вас, что я никого так не люблю, как ее. Итак, подумайте о вашей собаке. Подумайте, какая будет радость для вас, когда вы вернетесь домой целым и невредимым и ваш песик будет прыгать на вас и визжать и махать хвостом. Подумайте о вашей собаке и... по команде «раз» стреляйте!

– Я б-буду стрелять! – с трудом промолвил маленький еврей.

Две крупные слезы покатались по изрытым оспой щекам и оставили на них светлые полосы. Он крепко сжал пистолет, который подал ему мой товарищ, и взглянул на моего коллегу с унылой мольбой, как будто его мучило какое-то желание.

– Е-если я... – заикаясь, начал он.

Мой товарищ помог ему:

– Вы хотите попросить меня позаботиться о вашей собаке, если с вами случится что-нибудь? Не так ли, господин Перльмуттер?

– Да! – ответил маленький еврей.

– Ну, так я даю вам слово и сдержу его, как честный студент. Собаке будет хорошо, можете быть на этот счет спокойны.

Он протянул ему руку, и еврей крепко пожал ее.

– Бла-благ-годарю!

– Стороны готовы? – спросил внепартийный.

– Готовы! – воскликнул мой товарищ. – Стреляйте, господин Перльмуттер, стреляйте!.. Это самооборона. Подумайте вашей собаке и стреляйте!

Мы снова пошли за деревья. Внепартийный стоял бок о бок со мной. Я не сводил глаз с маленького еврея.

– Внимание! Раз!..

Перльмуттер вздернул пистолет вверх и выстрелил. Пуля пролетела где-то над ветками. И он словно застыл, растопырив руки.

– Браво! – пробормотал мой товарищ.

– Два!..

– Если Меркер имеет хоть искру совести в башке, он выстрелит в воздух, – снова пробормотал он.

– И... Тррри!

В этот момент трахнул выстрел Меркера. Зелиг Перльмуттер раскрыл рот. Чисто и ясно раздались его слова. В первый раз в своей жизни он не заикался. Нет, честное слово, он запел. И запел громко и чисто:

...Век наш юный краток,  
Быстро пролетит...

Пистолет выскользнул у него из руки, и он упал лицом землю. Мы подбежали к нему. Я осторожно перевернул его лицом вверх.

Пуля попала ему в самую середину лба. Маленькая, дыра...

– Я исполню то, что обещал ему! – шептал мне товарищ. – Я велю Факсу сегодня же принести собачонку. Пусть ее подружится с моим Неро. Оба пса будут в восторге, когда я на расскажу им, как я раскатал благородных господ из «Маркии» Спокойной ночи, Зелиг Перльмуттер, – продолжал он еще тише, – ты был грязная перечница и отнюдь не делал чести своему имени, но, черт меня побери, все-таки ты был благородный студент, и Меркеры заплатят мне за то, что они тебя так безобразно ухлопали. Это мой долг перед твоей собакой. Надеюсь, что у нее не так уж много блох!..

Врачи подошли и занялись Перльмуттером. Они промыли рану и вложили в нее газовый тампон, чтобы остановить кровотечение.

– Напрасный труд! – сказал наш старый доктор. – Ничего другого не остается, как только писать свидетельство о смерти.

– Пойдемте завтракать! – предложил беспартийный.

– Благодарствуйте! – ответил мой товарищ официальным тоном. – Мы должны исполнить наш долг по отношению к нашему товарищу. Берись, фукс!

Мы подняли тело и с помощью служителя отнесли его через лес на дорогу и положили в карету.

– Кучер, вы не знаете тут где-нибудь убежища?

– Не знаю.

– Но ведь где-то тут в лесу есть общинная больница?

– Да, сударь, есть, Денковская. Большая больница.

– Далеко отсюда?

– Часа два езды.

– Поезжайте туда. Это ближе всего. Там мы сбудем его с рук.

Мы уселись на задние сиденья. Служитель сел против меня, а другое переднее место занял Зелиг Перльмуттер. Пришлось потратить некоторое время на то, чтобы привести его в сидячее положение. Лошади дергали, и приходилось крепко держать его, чтобы он не сваливался вперед.

– Видишь, как хорошо я сделал, что закалял твои нервы, фукс. Вот теперь тебе это и пригодится. Факс, откройте корзину с провизией.

– Спасибо! – сказал я. – Я не стану есть.

– Что-о? – продолжал товарищ. – Ты отказываешься? А я тебе скажу, что ты будешь есть и пить, что только за ушами затрещит. Я отвечаю за тебя, малыш, и не имею никакой охоты привозить тебя домой в состоянии коллапса. Prosit!!

Он налил мне большой стакан коньяку, и я опрокинул его в рот. Я давился бутербродом с ветчиной. Я думал, что не смогу одолеть и одного, но съел четыре и залил их коньяком.

Дождь хлынул с новой силой. Он хлестал ручьями в дрожащие стекла кареты. Карета вязла в грязи. Один из нас должен был попеременно сидеть против мертвеца, чтобы поддерживать его. Мы должны были приехать на место в десять часов и поминутно вынимали часы... Никто не говорил ни слова. Даже мой приятель прекратил балагурство. Только «Prosit! Prosit!» раздавалось в нашей карете. И мы пили.

Наконец мы были у цели нашего путешествия. Служитель побежал через сад в дом, а мы в это время дали кучеру есть и пить.

Из дома к нам вышли два сторожа, а за ними пожилой господин – управляющий заведением. Мой товарищ представился ему и изложил свою просьбу, которая показалась врачу, очевидно, в высшей степени тягостной.

– Уважаемый коллега, – промолвил он, – это крайне неприятное обстоятельство для нас. Мы совершенно неподготовлены для таких случаев. Я совершенно не знаю, куда мы денемся с трупом. Нельзя ли вам...

Но мой товарищ настаивал:

– Невозможно, доктор! Куда же мы-то денемся?.. Впрочем, вы обязаны взять у нас тело и составить протокол. Дуэль происходила в пределах вашего округа.

Врач поиграл своей цепочкой и спросил кучера:

– Не можете ли вы описать мне место?

Кучер описал место, и мрачная физиономия у врача просветлела.

– О, я чрезвычайно сожалею, господа, но эта лужайка лежит вне нашей границы. Она принадлежит общине Гуген. Поезжайте туда в провинциальную лечебницу для душевнобольных, и там у вас возьмут тело.

Мой товарищ стиснул зубы:

– Долго ехать туда?

– Ну, два с половиной или три часа, смотря по тому, как поедете.

– Ага. Смотря по тому, как поедем. Это значит, по меньшей мере, четыре часа. В такую погоду и на усталых лошадях, которые уже с пяти часов утра в работе...

– Мне это очень грустно, господа.

Мой товарищ начал новую атаку:

– Господин доктор, неужели вы в самом деле хотите спровадить нас в таком состоянии? Могу вас заверить честью, наши нервы по дороге к вам совершенно измочалились...

– Мне это очень грустно, – повторил врач, – но все-таки не могу принять от вас труп. Вы должны обратиться в ее соответствующую общину. Я не могу взять на себя ответственность...

– Знаете, доктор, на вашем месте я все-таки в подобном случае взял бы на себя ответственность...

Пожилый господин пожал плечами. Мой товарищ молча раскланялся с ним:

– В таком случае поезжайте, кучер, в провинциальную лечебницу в общину Гуген!

На этот раз забастовал кучер. Он-де не сумасшедший, замучить лошадей до смерти. Мой товарищ искоса взглянул еще раз на врача, но тот опять пожал плечами. Тогда мой коллега подступил к козлам:

– Вы поедете! Понимаете это? Что выйдет из ваших лошадей – безразлично. Это уж мое дело. А вы получите сто марок на чай, если мы через четыре часа приедем в Гуген.

– Хорошо, сударь! – промолвил кучер.

К нам подошел наш служитель.

– Если господам все равно, так нельзя ли мне сесть на козлы? Это будет удобнее для вас троих. Вчетвером внутри так тесно....

Мой товарищ рассмеялся и схватил его за ухо.

– Ты предусмотрителен, Факс, но и мы не останемся у тебя в долгу. Ты простудишься там наверху под дождем, и твоя хозяйка будет горевать. А поэтому марш в карету!

Он обратился еще раз к врачу чрезвычайно холодным тоном:

– Покорнейше прошу вас, доктор, рассказать нашему кучеру, как ехать.

Пожилый господин потер себе руки.

– Охотно, уважаемый коллега. От всего сердца. Все, что только могу для вас сделать...

И он описал кучеру путь до мельчайших подробностей.

– Бессовестная каналья! – шипел мой товарищ. – И я не могу никак вызвать его на дуэль!..

Мы снова уселись в карету. С помощью ремней, в которых была упакована корзина с провизией, и наших подтяжек мы накрепко привязали мертвеца в его углу, чтобы по крайней мере освободиться от противной обязанности поддерживать его. Затем мы забились в наши углы.

Казалось, что день сегодня так и не наступит. Все более и более воцарялись эти тоскливые серые сумерки. Облачное небо, казалось, опустилось до самой земли. Дорога была так разжижена дождем, что мы на каждом шагу застревали в грязи. Грязь брызгала на окна желтыми глинистыми ручьями. Наши старания разглядеть сквозь оставшиеся незамазанными части стекла, где мы едем, были тщетны – мы едва могли различать деревья по сторонам дороги. Каждый из нас всеми силами старался быть господином своего настроения, но это не удавалось. Отвратительный, холодный и промозглый воздух, спертый внутри маленького помещения, заползал в ноздри и рот и оседал по всему организму.

– Мне кажется, он уже пахнет, – промолвил я.

– Ну, это с ним, вероятно, случалось и при жизни, – ответил товарищ. – Зажги сигару.

Он поглядел на меня и на служителя: я думаю, наши лица были так же бледны, как и у мертвеца...

– Нет, – промолвил он, – так нельзя... Надо устроить маленькую выпивку.

Бутылки с красным вином были откупорены, и мы стали пить. Товарищ командовал:

Прежде всего мы споем официальную песню: «Юность заботы не знает».

И мы запели:

Юность заботы не знает.  
Братья, нам утро сияет  
Солнцем надежд золотых.  
Да, золотых...  
Песнями юность прославим,  
С песней и жизнь мы оставим.  
Тихо уйдя от живых,  
Да, от живых, —  
В тень кипарисов немых...

– ...Прекрасная песня. За здоровье веселых певцов!

Да, мы пили. Одну бутылку за другой мы откупоривали и пили. И снова пели. Мы пили и пели. Мы пьянствовали и орали.

– Траурная саламандра в честь нашего тихого гостя, господина Зелига Перльмуттера! Ad exercitium salamandris, раз, два, три... Salamander ex est! Факс заканчивает. Остатки долой.

– Черт возьми, Перльмуттер, старый пивопийца, вы могли, бы по крайней мере хоть сказать prosit, раз в вашу честь воздвигли саламандру. Пей же, тихоня! – Мой товарищ поднес ему к носу стакан. – Ты не желаешь, дружок? Ну, погоди же. – И он вылил красное вино ему на губы. – Получай. Вот так. Prosit!

Служитель, уже совершенно пьяный, кричал от удовольствия:

– Хе-хе, не желаете ли покурить? – Он старательно зажег длинную Виргинию и всунул ее мертвецу между зубами. – Вино да табак – славная жизнь!

– Тысяча чертей, ребята! – воскликнул товарищ. – У меня с собой имеется игра карт. Мы перекинемся в скат. Вчетвером. Один пасует.

– Пасовать будет, очевидно, главным образом господин Перльмуттер? – заметил я.

– С чего ты это взял? Он играет так же хорошо, как и ты. Вот увидишь. Готово! Сдавай, фукс!

Я сдал карты и взял десять себе.

– Не так, фуксик. Ты даешь карты господину Перльмуттеру. Воткни их ему в пальцы, пусть он играет сам. Конечно, он сегодня немножко вял, но мы не будем принимать это в дурную сторону. Поэтому ты должен помочь ему.

Я поднял руку мертвеца и всунул ему карты между пальцами.

– Пасс! – сказал товарищ.

– Вскрыть! – провозгласил служитель.



– Большой с четырьмя валетами! – объявил я за господина Перльмуттера.  
– Черт побери! Вот везет, как утопленнику.  
– Объявляю открытый! – продолжал я.  
– Вот ведь счастье! – ворчал мой коллега. – Этот еврей сколотил себе состояние даже после своей смерти.

Мы играли одну игру за другой, и еврей все время выигрывал. Ни одной игры не потерял он.

– Господи Боже! – бормотал служитель. – Если бы он хоть наполовину так удачно стрелял сегодня утром. Хорошо еще, что нам не придется ничего платить ему.

– Не придется платить? – вскипел мой товарищ. – Ты не хочешь платить, бесстыдная блоха? Если этот бедняк мертв, так ты хочешь улизнуть от расплаты? Сию же минуту вынимай деньги и клади ему в карман! Сколько ему следует, фукс?

Я сделал подсчет, и каждый из нас сунул по серебряной монете в карман мертвецу. Мой взор случайно упал на конверт с моей фамилией: это было приглашение, полученное мною от одного знакомого семейства; меня звали на обед, устраиваемый в мою честь по случаю дня моего рождения. Я невольно вздохнул.

– Что с тобой? – спросил меня товарищ.

– Ах, ничего. Мне просто опять вспомнилось, что сегодня день моего рождения.

– Да, в самом деле? Я об этом совсем и забыл. Prosit, фуксик! Будь здоров! Поздравляю!

– И я тоже поздравляю, – промолвил служитель.

И вдруг из угла раздался заикающийся голос:

– И я т-тож-же П-поз-дравляю!..

Стаканы выпали у нас из рук. Что это было такое? Мы поглядели в угол: мертвец по-прежнему оцепенело висел в ремнях. Тело его качалось, но лицо было совершенно неподвижно. Длинная Виргиния все еще торчала между зубов. Тонкая черная полоска крови текла сбоку по его носу и бледным пепельно-серым губам. Лишь никелевое пенсне, забрызганное кровью (он его не потерял даже при падении), слегка дрожало на носу.

Мой товарищ первый опомнился.

– Что за дикость? – промолвил он. – Мне показалось, что... Давай другой стакан!

Я достал из корзины новый стакан и налил его.

– Prosit! – воскликнул он.

– P-p-rosit! – раздалось из угла.

Товарищ схватился рукою за лоб, а затем быстро выплеснул вино.

– Я пьян, – пробормотал он.

– Я тоже... – заикнулся я и забился покрепче в угол, по возможности подальше от ужасного соседа.

– Это ничего не значит! – громко сказал мой товарищ. – Мы будем продолжать игру. Факс, сдавайте!

– Я не могу больше играть, – простонал служитель.

– Трус! Чего вы боитесь? Боитесь проиграть еще раз?

– Пусть он возьмет все мои деньги, но только я больше не притронусь к картам!

– Шляпа! – воскликнул товарищ.

– Ш-ш-шляпа... – раздалось из угла.

Меня охватил невыразимый страх.

– Кучер! – закричал я. – Кучер! Стойте! Ради Бога, стойте!..

Но тот не слышал ничего и погонял лошадей сквозь доя и мглу.

Я видел, как мой товарищ закусил себе нижнюю губу, капли крови упали на подбородок. Он резко выпрямился и наполнил снова свой стакан.

– Я покажу вам, что корпорант «Норманнии» не знает какого страха. – И он обратился к мертвому, с трудом отчеканивая каждое слово: – Господин Зелиг Перльмуттер, я сегодня убедился, что вы в высшей степени благородный студент, решите мне выпить за ваше

здоровье? – и он залпом выпил красное вино. – Так! А теперь, милый Перльмуттер, я очень прошу тебя не беспокоить нас. Правда, мы все совсем пьяны! но некоторая доля понимания у меня еще осталась, и я в точности знаю, что мертвый еврей уже не может говорить. Итак, заткни, пожалуйста, глотку!

Но Перльмуттер оскалил зубы и громко засмеялся:

– Ха-ха-ха...

– Молчи! – закричал товарищ. – Молчи ты, собака, или... Но Зелиг Перльмуттер не унимался:

– Ха-ха-ха...

– Пистолеты!.. Где пистолеты?.. – Мой товарищ вытащил из-под сиденья плоский ящик, открыл его и выхватил оружие. – Я застрелю тебя, падаль, если ты скажешь еще хоть слово! – воскликнул он в безумном бешенстве.

Но Зелиг Перльмуттер продолжал каркать:

– Ха-ха-ха-ха...

Тогда тот прицелился ему прямо в лицо и выстрелил. Трахнуло так, что казалось, вся наша карета рассыплется на куски.

Но сквозь пороховой дым еще раз зазвучал ужасный хохот Зелига Перльмуттера. И долго-долго хохотал он, как будто так-таки и не хотел совсем остановиться...

– Ха-ха-ха...

..Я видел, как мой товарищ со стоном упал вперед на колени мертвецу. Я слышал из другого угла жалобное визжание слугителя.

И целые столетия ехали мы все дальше и дальше в этих ужасных, дождливых сумерках...

...Как мы приехали в лечебницу – все это я припоминаю лишь словно в тумане. Я знаю, что у нас взяли мертвеца, а заодно с ним вытащили из кареты и моего товарища. Я слышал, как он кричал и рычал, я видел, как он бил окружающих и как у него на губах выступила пена. Я видел, как на него надели смирительную рубашку и увели в больницу. Он и теперь все еще там. Врачи определили у него острую паранойю, развившуюся на почве хронического алкоголизма.

Собаку я взял к себе. Это был безобразный ублюдок. Десять лет я держал его у себя, но он все-таки не мог привыкнуть ко мне. Что я ни делал, чтобы заслужить его благоволение – все было тщетно. Он рычал и кидался на меня. Однажды я нашел его в моей постели, которую он всю перепачкал. Когда я стал гнать его оттуда, он укусил мне до крови палец. И я задушил его своей рукой.

Это было четыре года тому назад – в памятный для меня день – третьего ноября...

Теперь, господа, вы понимаете, почему это число имеет для меня такое страшное значение.

*Рагуза. Март 1907*